

УДК 396

Современные тенденции исследования взаимоотношений между полами*

Жюльетт Ренн, доцент Группы политической социологии и социологии морали Высшей школы социальных наук (EHESS)

В статье на примере Франции рассматриваются вопросы современных гендерных исследований, проблемы взаимоотношений между полами, представителями разных расовых, возрастных и социальных групп.

Contemporary Tendencies in the Research of Gender Relations

J. Renn, Associate Professor (EHESS, France)

The main questions of contemporary gender research and problems of relations between different gender, race, age and social groups in France are analyzed.

Понятие гендера

Что касается темы данного доклада, то выбрать ее мне было непросто. В первую очередь потому, что общая тема нашей научной конференции является очень широкой. Поэтому я решила представить обзор некоторых конкретных направлений современных гендерных исследований на примере Франции и особенно отношений между полом и властными отношениями: расовыми, возрастными и классовыми.

Сначала я кратко представлю несколько аспектов понятия «гендер». Потом изложу несколько аспектов развития теории пересечений, или интерсекции, т. е. подхода, который артикулирует пол и другие властные отношения, и приведу конкретные примеры этого подхода. В заключение расскажу подробнее, в чем заключается польза данного подхода.

Когда исследователи стали употреблять понятие «гендер» тридцать лет тому назад, они хотели обозначить исторический и социальный процесс конструирования разницы между полами. Целью гендерных исследований является анализ и понимание механизмов (политических, социальных, культурных, административных, юридических), которые способствуют воспроизводству дифференциации между полами в обществе.

Основная идея состоит в том, что социальные различия между полами не являются следствием их биологических отличий, иными словами, не существует необходимой, неизбежной связи между обладанием женскими половыми органами и ношением юбки; между обладанием бородой и ношением галстука, между вынашиванием детей и получением зарплаты на 20 % ниже зарплаты мужчин [1]. Эта идея не совсем нова. Она разделялась также и Симоной де Бовуар, когда она 60 лет назад написала в книге «Второй пол»: «Женщиной не рождаются, ею становятся. Ни биология, ни психика, ни экономика не способны предопределить тот облик, который принимает в обществе самка человека». Это означает, что женская идентичность — это не данность, а результат особой истории; это значит, что постепенно благодаря феминистическому движению женщины могут оставаться женщинами биологически, но освободиться от социальных стереотипов и от того, что ожидается от «женщины». Идея, что биологический пол не обязательно определяет социальную роль, позволяет понять разницу между полом и гендером.

И если следовать этой логике, мужественность, которую Бовуар не анализировала как таковую, является таким же результатом истории в том смысле, что отношение женщины и мужчины друг к другу изменяется от эпохи к эпохе. Понятие гендера помогает выявить, что определение женщин и мужчин было результатом диалектических перемен, что то, что означает быть «мужчиной» и «женщиной» зависит от исторического периода и общества (это явление описывается понятиями «гендерная мобильность/подвижность» или «мобильность гендера»).

* Доклад был прочитан 24 ноября 2010 г. на Международном научном семинаре «Роль женщин в современном обществе Западной и Восточной Европы: на примере Франции и Беларуси», организованном посольством Франции в Беларуси и факультетом философии и социальных наук БГУ.

Так, например, во Франции в XVIII в. мужчины из аристократической среды использовали макияж, носили сложные туалеты, а в XIX в., после Великой французской революции, буржуазная мужественность полностью исключила эти атрибуты, чтобы подчеркнуть отличия от аристократии [2]. Поэтому можно сказать, что в отличие от *women studies*, или от исследования о «положении женщины» («*condition de la femme*») понятие гендера обращает внимание не на отдельные части (т. е. положение мужчин и женщин), но на сам принцип разделения между полами.

Исследования взаимного влияния половой, расовой, возрастной и классовой принадлежности

Понятие «гендер» позволило анализировать другие принципы принадлежности и разделения в обществе, такие как класс, возраст, раса, и рассмотреть эффект этих дифференциаций в среде женщин. Например, мы знаем, что на Западе быть чернокожей и белокожей женщиной — означает занимать разное место во властных отношениях. Это явление, в частности, привело к появлению течения «*Black feminism*» («черный феминизм») [3]. Интересно, что в 1960-е гг. в Америке чернокожие феминистки анализировали отличие своего подхода к семье от подхода белых феминисток. В частности, они не разделяли отношение белокожих женщин к семье как к месту угнетения, от которого надо освободиться. Для чернокожих женщин семья, наоборот, была защитой от расизма американского общества.

Чернокожие феминистки также показали, что борьба с мифом «прекрасной хозяйки» («*fée du logis*») не имела большого значения для афроамериканских женщин, которые всегда много работали. Это относится и к критике мифа «вечной женственности», поскольку афроамериканские женщины не воспринимались в доминирующей культуре как настоящие женщины: они описывались как «мужеподобные», вульгарные «матроны». Таким образом, миф «вечной женственности» являлся привилегией белых женщин.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что все женщины испытывают на себе сексизм, однако не бывает одинакового опыта сексизма; в том смысле, что для каждой женщины опыт сексизма зависит от других властных отношений, таких, как расовые (как мы только что это продемонстрировали), но также возрастные, половые и классовые отношения, поскольку не бывает одинакового опыта сексизма для девушек и для женщин пожилого возраста, для бедных и для женщин из буржуазной среды, для гетеросексуалок и для лесбиянок.

Кроме того, в некоторых ситуациях от дискриминации в обществе мужчины страдают больше, чем женщины. Так, например, иногда быть иммигрантом сложнее, чем быть иммигранткой. Для мужчин-иммигрантов труднее, чем для женщин, снять квартиру, попасть на дискотеку (потому что они вызывают недоверие или страх); они больше подвергаются проверке личных документов в общественных местах. Однако, по статистике, иммигрантки чаще занимают временные рабочие места и, конечно, они испытывают различные формы сексистского насилия, которые мужчины не испытывают.

Исследования об интерсекции дискриминаций активно развивались в последние годы. Они являются достаточно инновационными, поскольку раньше в рамках гендерных исследований больше сравнивали дискриминацию по половому и расовому признакам, но не думали о взаимном влиянии расы и пола.

Теперь, прежде чем представить примеры современных исследований в рамках теории пересечений, я хочу сначала в нескольких словах рассказать о некоторых аспектах первых исследований, которые сравнивали дискриминацию по половому и расовому признакам.

Анализ дискриминации в социальных науках и в праве: сравнительный подход

Анализ сексизма в 1970-е гг. основывался, во-первых, на прежнем подходе к расизму и антисемитизму в социологии и в социальной психологии, во-вторых, на марксистской теории социальных классов. Этот подход предполагал, что социальное, гендерное, расовое господство основывается на одной и той же логике.

Во-первых, это логика присвоения (*appropriation*) социальной группы другой социальной группой, которая оправдывает это присвоение неполноценностью, недостаточностью угнетенной группы. Поэтому целью феминистической теории, как и целью антирасистской теории, являлось стремление показать на разных примерах, что на самом деле эта неполноценность не предшествует отношениям власти, а, наоборот, именно отношения власти создают эту неполноценность.

Во-вторых, сравнительный подход предполагал, что восприятие угнетенной группы также основывается на одной и той же логике. Как показала, например, социолог Колет Гийомен [4], доминирующая группа не воспринимает членов подчиненной группы как индивидов в том смысле, что быть индивидом — значит одновременно принадлежать ко всему человечеству и иметь индивидуальную особенность, уникальность.

С точки зрения сексистского или расистского взгляда, женщины и люди с черной кожей слишком отличаются от доминирующей группы, чтобы в той же мере, что и члены этой группы, представлять человечество. В то же время они (женщины, чернокожие) до такой степени определяются своей общей разницей с остальными (господствующими), что каждый из них не может быть единственным, индивидуальным. Каждый из них только представляет свою группу, различие своей группы с доминирующими индивидуумами. В расистском или в сексистском дискурсе, как говорит Колет Гийомен, каждый из них является «индивидуальным обобщением социальной особенности». По этому поводу можно привести некоторые примеры.

Первый пример. Исследования по социальной психологии [5] показали, что если любой серийный убийца (киллер) является белым мужчиной, относящимся к среднему классу, общественное мнение не будет делать из этого вывод, что все белые мужчины из среднего класса опасны. Но если это человек происходит из стигматизированной социальной группы (иммигранты из Северной Африки во Франции, турки в Германии, румыны и цыгане в Италии, иммигранты из бывших советских республик в России и др.), все, что он делает, интерпретируют в соответствии с негативными стереотипами его группы.

Второй пример. Если какая-то женщина плохо водит машину, часто говорят, что это потому, что все женщины плохо водят. Но если какой-то мужчина плохо водит, говорят, что у него личная проблема с вождением, так как стереотипа о плохом вождении мужчин просто не существует.

Это сравнение между расизмом и сексизмом и единый подход к этим разным видам дискриминации также существовали в общественных движениях и в праве.

Например, защитники иммигрантов говорят, что сегодня иностранцы неевропейского происхождения, у которых нет избирательных прав и которым запрещается доступ к государственным профессиям, подобны женщинам во Франции.

Также во Франции в конце XIX в. сами женщины, которые требовали избирательных прав, сравнивали себя с евреями до Великой французской революции 1789 г., поскольку у евреев тогда не было тех прав, которые имела остальная часть населения.

Феминистки сравнивали разницу статуса между мужчинами и женщинами в демократическом обществе с разницей между аристократами и простыми людьми в эпоху монархии. Они обвиняли тех мужчин, которые сопротивлялись равенству, в том, что они похожи на аристократов, которые

отказались поделиться своими привилегиями с представителями неблагородных сословий.

Во французском и в международном праве, начиная с 1950-х гг., есть одно-единственное определение дискриминации, причем все дискриминации находятся на одном уровне, когда написана формула: «безо всякого различия».

Если посмотреть, например, Всеобщую декларацию прав человека, то в ее второй статье можно прочесть: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений (национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения)».

Согласно французскому Уголовному кодексу (Code pénal), когда осуждают кого-либо, нельзя проводить никакого различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений.

Согласно Трудовому кодексу (Code du travail), нельзя проводить никакого различия в том, что касается приема на работу, назначения на должность, квалификации, повышения в должности, перевода на другую работу в зависимости от признаков расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений.

Пределы сравнения между расизмом и сексизмом и границы единого подхода к этим разным видам дискриминации

Сравнивать дискриминации только по расе и по полу недостаточно, надо также принимать в расчет такие специфические формы дискриминации, которые находятся на пересечении расового и полового признаков. Речь, например, идет о косвенных дискриминациях, касающихся гомосексуалистов (и транссексуалов) иностранцев. Эти дискриминации относятся к самому праву иммигрировать и приобретать гражданство. Заключить брак с гражданином европейского государства или с иностранцем, имеющим вид на жительство — хотя это все труднее и труднее, потому что есть новые законы против «фиктивных браков» — это один из первых способов для иммигрантов закрепиться в Европе. А поскольку в большинстве европейских стран брак гомосексуальных пар невозможен и поскольку не существует права на убежище для гомосексуалистов, которые являются жертвами преследования в своей стране, риск стать нелегалами для иммигрантов гомосексуалистов и транссексуалов всегда выше, чем для мигрантов из числа гетеросексуалов [6]. Таким образом, в некоторых обстоя-

тельствах надо рассматривать вместе дискриминацию по признаку расы и дискриминацию из-за сексуальной ориентации.

Еще важнее то, что при отсутствии связи между борьбой против дискриминации по признаку расы, сексуальной ориентации и гендера, есть риск, что феминизм, антирасизм и движение гомосексуалистов вступят между собой в конкуренцию. Такая конкуренция, очевидно, существует в политической сфере. Я хочу, в частности, упомянуть о явлении инструментализации феминизма со стороны государства, который нужен ему для того, чтобы оправдать свою политику против иностранцев. Речь идет о расизме, который оправдывается борьбой за равенство полов.

Первый пример – программа иммиграционной политики, представленная в течение последней кампании по президентским выборам во Франции. Во время этой кампании кандидат Николя Саркози, который был тогда министром внутренних дел, говорил о том, что Франция должна быть страной, которая принимает иммигрантов, подвергающихся насилию со стороны своих мужей. Большинство феминисток поддержали такое предложение Саркози, так как они часто просят права убежища во Франции для женщин, подвергающихся насилию в их родных странах.

Однако после избрания Саркози президентом Франции много феминистских ассоциаций, которые помогали иммигранткам, потеряли свои дотации от государства, из чего можно заключить, что показательной предвыборный феминизм членов правительства являлся прежде всего предвыборной стратегией.

Еще хуже, когда простой стратегией политической коммуникации становится стигматизация иммигрантов. Во многих предвыборных декларациях и речах Николя Саркози защищал идею, что иностранцы в большей степени сексисты, чем французы, и что надо защищать женщин от насилия иностранцев. Так, Николя Саркози заявил, что «тем, кто хочет подчинить себе свою супругу, тем, кто хочет практиковать многоженство, женское обрезание или принудительный брак, тем, кто не хочет, чтобы его жена одевалась как ей хочется, всем этим людям нечего делать во Франции».

В качестве министра внутренних дел Саркози применял против иммигрантов, которые практиковали многоженство, санкции. Было установлено, что у них должна быть только одна жена, а на других жен социальные пособия, выплачиваемые государством, распространяться не будут. В результате многие женщины-иммигрантки, по сути, оказались вне закона. Зачастую они должны были существовать без работы и безо всякого социаль-

ного обеспечения. Таким образом, во имя феминизма государство изгоняло иностранцев и никак не помогало женщинам. Некоторые защитники прав человека иронически сводили эту политику к лозунгу «тело женщин под угрозой, закроем наши границы» [7].

Второй пример. В 2004 г. государство приняло закон, который запрещает девушкам носить мусульманский платок в государственной школе. Один из доводов для обоснования такого запрета состоял в том, что платок – это знак угнетения женщин и их подчинения мужчинам. По этому поводу в среде феминисток произошел раскол. Большинство феминисток думали, что платок действительно символизирует подчинение мужчинам, однако, несмотря на это, многие феминистки не поддержали такой закон. Во-первых, потому что социологические исследования, в которых эти девушки должны были объяснить, почему они носят платок, показывают, что девушки носят платок по разным причинам, а не только потому, что их заставляют, или потому, что таким образом они выражают свое подчинение мужчинам [8]. Так, например, часть этих девушек просто хотят отличаться от общепринятого образа девушки, эротичной и сексуальной, носящей короткую майку и мини-юбку. Такой образ современной девушки, в частности, активно распространяют средства массовой информации. Иными словами, они хотят скрыть свое тело и тем подчеркнуть отказ от обязанности доставлять удовольствие и быть привлекательной. Конечно, это стремление отчасти связано со страхами по поводу взглядов мужчин на тело девушки и свидетельствует о том, что наше общество все еще слишком сексистское. Однако это не причина для того, чтобы обязать этих девушек снимать платок.

Другие девушки отвечали, что они носят платок потому, что в таком случае родители больше разрешают им делать то, что они хотят. Иногда родители думают, что, нося платок, их дочь попросту находится в большей безопасности. В этом смысле платок не является препятствием для интеграции в общество.

По мнению некоторых феминисток, вторая проблема этого закона связана с риском укрепления патерналистского и неокOLONиального поведения [9]. С их точки зрения, патерналистское поведение усиливается, потому что, таким образом, продолжает развиваться представление, что можно освобождать людей от их «заблуждений» против их воли, исходя из нашего собственного представления, что хорошо и что плохо для этих людей. При этом надо заметить, что освобождать людей против их воли и выражать свою солидарность с борьбой за освобождение – это разные вещи.

К тому же проект освобождения «арабской женщины» от сексизма исламской религии и от сексизма арабских мужчин существовал уже в колониальный период, опираясь на идею превосходства западного общества. Уже тогда говорили, что ислам является архаичной религией, от которой надо отказаться во имя того, чтобы быть более «современным». И действительно, в колониальный период мусульмане могли бы приобрести отчасти права гражданина, если бы они отказались от своей религии. Это явление называлось «колониальной ассимиляцией».

Но вообще, закон 2004 г. против ношения мусульманского платка, принятый во имя западной модели равенства между полами, вызывает большие дискуссии в первую очередь потому, что его положения были использованы в националистическом смысле. Данный закон укрепил многих политических деятелей и простых французов в мысли, что сексистами могут быть только иностранцы и никогда — «настоящие французы». Это явление называется «**культурализацией сексизма**». Данный термин описывает стремление ассоциировать сексизм с какой-либо специфической культурой другого народа, подразумевая при этом, что твой народ полностью лишен данного недостатка [10].

Можно заметить, что в мусульманских странах политические деятели используют ту же стратегию, говоря, что у них женщин все уважают и что на Западе женщины унижены в рекламах, по телевидению, в фильмах, в видеоклипах и что там женщины воспринимаются как проститутки. Иначе говоря, представление о том, как «другой» относится к «своим» женщинам, это иногда повод для того, чтобы подчеркнуть специфику своей модели цивилизации, а иногда для того, чтобы объявить или продолжить идеологическую войну с другими культурами.

Третий пример касается полемики об обложке *Time magazine* за 9 августа 2010 г. На ней мы видим подпись к фотографии: *What Happens if We Leave Afghanistan* («Вот что будет, если мы выведем войска из Афганистана!»). На фото представлена 18-летняя афганка, которой талибы отрезали нос в наказание за то, что она сбежала от мужа.

Не говоря о полемике по поводу происхождения этой фотографии, необходимо сказать, что это страшное событие произошло уже в период, когда американские вооруженные силы находились на территории Афганистана. И если Соединенные Штаты воевали в Афганистане, в том числе для того, чтобы освободить женщин от талибов, можно удивиться, как при этом США могут сохранять хорошие политические и экономические отношения с Саудовской Аравией, являющейся

одной из стран, где наиболее очевидно неравенство прав мужчин и женщин. К тому же Саудовская Аравия — это единственная страна в мире, где женщины до сих пор не могут голосовать.

Четвертый пример касается отношения СМИ и государства к явлению групповых изнасилований в двухтысячные годы во Франции. В это время некоторые феминистские ассоциации разоблачали явление групповых изнасилований, которые в подвалах домов бедных пригородов совершали группы подростков. При этом они подражали страшным сценам из порнографических фильмов. Большинство этих мальчиков были французами, но некоторые были французами из иммиграции.

При интерпретации данного явления разными течениями феминизма возник серьезный спор. Часть феминисток, большая часть СМИ и политиков видели в этом явлении проблему сексизма среди иммигрантов, особенно иммигрантов, приехавших из исламских стран. Мы уже говорили о проблеме стереотипов: когда насильником является француз или католик, то никто не делает вывод, что существует серьезная проблема с французской культурой или с католицизмом. В итоге получается, что французское общество якобы современное, отношения между полами якобы равные, тогда как среди иммигрантов из Северной Африки это не так.

По-мнению французского социолога Оливье Руа [11], который выражает мнение других феминистских движений, «при этом забывают, что все гетто похожи друг на друга, какую бы религию ни исповедовали их обитатели. В Соединенных Штатах в гетто, населенных неграми или латиноамериканцами, мы обнаруживаем точно такие же явления группировок молодых парней, которые контролируют улицу, живут спекуляцией и отличаются особым мачизмом. Вирильность является достоинством всюду, где доминирует сила, и это не имеет никакого отношения к религии».

Вторая проблема дискурса, обвиняющего мачизм в среде мигрантов, по мнению части феминисток, состоит в том, что этот дискурс не упоминает некоторые статистические данные, которые были обнаружены в то же время.

Исследование ENVEFF*, посвященное изучению насилия в отношении женщин, показывает, что такое насилие существует во всех социальных средах, и что главный тип этого насилия — это на-

* ENVEFF — «национальное исследование о насилии по отношению к женщинам во Франции» было проведено в 2000 г. специалистами в области социальных наук разных научных заведений с целью получения статистических данных об актах насилия над женщинами.

силе домашнее или супружеское. По статистике, групповые изнасилования не являются феноменом, получившим широкое распространение, поскольку участие нескольких человек в изнасиловании происходит не чаще, чем в 5 % случаев. При этом супружеское изнасилование, т. е. когда муж, используя силу, принуждает свою жену иметь с ним сексуальные отношения против ее воли, представляет собой почти 50 % изнасилований. Этот факт показывает банальность сексизма в нашем обществе и то, что для того, чтобы бороться с ним, нужны серьезные средства: большие информационные кампании и организационные структуры, способные помогать женщинам и разоблачать насилие и мачизм среди мигрантов [12].

Следующий пример по поводу инструментализации феминизма в борьбе против иммигрантов приводит в одной из своих недавних статей американский философ Джудит Батлер [13]. Она пишет о Нидерландах, где в марте 2006 г. создали тест, который называется «тест о гражданской интеграции». Иммигранты обязаны его проходить, если они хотят остаться в Нидерландах больше чем на три месяца. В этом тесте отслеживается их реакция на маленькие фильмы, которые показывают голую женщину, которая загорает на пляже, и пару гомосексуалистов, которые целуются. По проявленной реакции оценивается способность иммигранта проявить открытость, терпимость и свободу, которые являются нормой в Нидерландах. В рамках теста иммигранты должны обсуждать и комментировать эти фильмы. Чтобы сдать этот экзамен, они, конечно, должны реагировать позитивно, чтобы показать, что они могут интегрироваться в голландское общество.

Конечно, можно говорить о неэффективности этого теста, поскольку мигранты, которые хотят остаться в Нидерландах, зачастую понимают, что надо отвечать для того, чтобы сдать этот экзамен и казаться современным человеком, на взгляд чиновника, который наблюдает за их реакцией. Однако, кроме глупости теста, можно также заметить, что организация данного экзамена является дискриминационной по отношению к части иностранцев. Действительно, этот тест могут не проходить иммигранты из Европейского Союза, США, Австралии, Новой Зеландии, Канады, Японии и Швейцарии, т. е. из богатых стран, которые заведомо считаются современными. Также этот тест могут не проходить выходцы из других стран, при условии, что они являются высококвалифицированными работниками, зарабатывающими более 45 000 евро в год. По мнению Батлер, все устроено так, будто понимание и терпимость мигрантов считаются менее важными, чем размер их доходов.

Ведь среди более богатых мигрантов из соседних стран также есть расисты и гомофобы, например, члены Vlaams Blok, бельгийской политической партии, которая защищает идею о том, что существует превосходство белых над другими расами.

Словом, даже не говоря об оправданности этого теста, Батлер разоблачает содержащиеся в нем двойные стандарты и критикует недоверие к меньшинствам во имя феминизма и борьбы против гомофобии. Все эти примеры показывают, что нужна тесная координация между разными видами борьбы против сексизма, расизма, гомофобии.

Гендер и возраст

Мы знаем, что характеристики неравенства между женщинами и мужчинами изменяются не только в зависимости от расовой и социальной принадлежности, но также и в зависимости от возраста. Эти неравенства представлены во многих исследованиях в рамках течения «Gender and aging», развитого в США и Великобритании [14]. Но во французских социальных науках это явление еще мало изучено, хотя социальное отношение к старению женщин уже давно является важной темой литературы и женских автобиографий [15].

Даже не говоря о всех неравенствах, касающихся гендерных времен (время детства, работы, карьеры, пенсии), можно упомянуть, по крайней мере, три разных вида неравенства между полами, касающихся процесса старения.

Во-первых, неравенство, касающееся периода, когда мужчины и женщины находятся в детородном возрасте. Мы знаем, что общество отрицательно относится к тому, чтобы женщины рожали детей после сорока или сорока пяти лет (хотя это, конечно, зависит от общества и от эпохи). Такое отношение объясняется не только биологическими причинами (менопаузой), но и общим негативным восприятием женщин, которые становятся матерями чересчур «поздно». Так, судьи часто отказывают женщинам после сорока в усыновлении (удочерении) или в том, чтобы они рожали детей с помощью медицинских средств, даже когда это безопасно. Наоборот, полемики о «слишком старых отцах» просто не существует [16].

Во-вторых, в высших классах общества есть некоторые социальные статусы, которые до сих пор были почти совершенно мужскими, в которых ценится старость или в которых старость не составляет препятствия. Например, в политике или в академической сфере человек может получить больше властных полномочий именно тогда, когда он «опытнее» и старше других. Это, в принципе, относится и к женщинам, но их на таких постах все же гораздо меньше.

Можно также заметить, что в интеллектуальных или в художественных профессиях, таких как писатель, художник, фотограф, режиссер, музыкант, где пока гораздо меньше женщин, чем мужчин, также в принципе легче стареть. У этих людей социальное влияние сохраняется все то время, что они могут размышлять, создавать, делиться своими знаниями. Поэтому они в состоянии страдать от старости меньше других (хотя, конечно, способность переносить старость зависит от многочисленных факторов, в том числе таких, как семейные связи или здоровье). Даже при частичной потере социального признания они в принципе умеют занять свое время, поскольку привыкли читать, размышлять, что-либо создавать без того, чтобы зависеть от кого-нибудь, кто бы им говорил, что делать. Это социальная привилегия интеллектуалов (интеллигентов) и артистов, которая, конечно, неравно распределяется между мужчинами и женщинами.

В других социальных сферах иногда происходит наоборот. Мужчинам стареть труднее, чем женщинам, когда с потерей высокостатусной работы они существенно теряют в социальном статусе, в то время как бабушки с появлением внуков находят себе существенное социальное применение [17].

Третий вид неравенства связан с проблемой внешности и сексуальности. В наших обществах женщины теряют свою привлекательность быстрее, чем мужчины. Например, седые волосы и морщины у мужчины пятидесяти лет не воспринимаются так, как у женщины того же возраста. В книге «Второй пол» Симона де Бовуар заметила по поводу мужчин: «Изменение лица и тела мужчины не нарушают его возможностей соблазнителья, поскольку от него не требуют пассивных качеств вещи».

Очевидно, что модель соблазнения для женщин связана с юностью, молодостью. И хотя у мужчины физические следы прожитого часто считаются привлекательными, это значит, что у него есть «опыт» (а, может быть, и власть). У женщин в этом отношении все наоборот — такие следы воспринимаются прежде всего как признаки деградации. Соответственно, после 60 лет одиноких женщин гораздо больше, чем одиноких мужчин, независимо от различий, связанных со смертностью, которая, кстати говоря, во Франции не такая, как в России. Во Франции в возрасте 60–70 лет являются одинокими 37 % женщин и 15 % мужчин [18]. Можно иронизировать по поводу пожилых женщин, которые делают все, чтобы скрыть свой возраст, но не стоит забывать, что это происходит в основном потому, что им запрещено себя считать

привлекательными и выражать свои желания в качестве пожилого человека.

Высказанные выше идеи и оценки иногда, хотя и редко, меняются, когда мы принимаем в расчет соотношение между возрастом, расой и классом [19]. Например, на Западе пары, в которых мужчины намного старше женщин, никак не выделяются. А пары, в которых женщина намного старше мужа, встречаются достаточно редко. Исследования показывают, что в таких парах женщина часто является белокожей, а мужчина — нет. Можно подумать, что речь идет о фиктивных браках, но проведенный анализ показывает, что это не всегда так. Благодаря высокому социальному положению «белой женщины» из богатых западных стран, она может оставаться по-настоящему привлекательной, даже для мужчин моложе ее; также как пожилые властьпредержащие мужчины остаются привлекательными для молодых женщин [20].

Нельзя сказать, что это хорошо или плохо. Влечение и даже любовь могут существовать между старыми и молодыми людьми из разных социальных сред. Я только хочу показать в заключение мобильность властных гендерных, расовых, классовых, возрастных отношений в зависимости от социальных обстоятельств.

Список цитированных источников

1. Guionnet, C. Sociologie du genre / C. Guionnet, E. Neveu. — Paris, 2004 ; Bereni, L., Introduction aux gender studies / L. Bereni [et al.]. — Bruxelles, 2008.
2. Bard, C. Une histoire politique du pantalon / C. Bard. — Paris; Seuil, 2010.
3. Smith, B. Home Girls: A Black Feminist / B. Smith // Anthology Kitchen Table: Women of Color Press, 1983; Collins, P. H. Black Feminist Thought: Knowledge, Consciousness and the Politics of Empowerment (Taylor & Francis, 1990) and Black Sexual Politics: African Americans, Gender, and the New Racism / P. H. Collins. — Routledge, 2005.
4. Guillaumin, C. L'idéologie raciste. Genèse et langage actuel / C. Guillaumin. — Paris, 2002.
5. Krieger, L. H. Category Problems: Implicit Bias & the Struggle Against Discrimination / L. H. Krieger. — French American Fondation. — Science po, 2009.
6. Elman, R. A. The limits of Citizenship : migration, sex discrimination and same-sex partners in EU laws / R. A. Elman // J. of Common Market Studies. — 2000. — Vol. 38, № 5.
7. GISTI, "Femmes, étrangers, des causes concurrentes ?" Plein-droit, n°75, déc. 2007.
8. Tevanian, P. Les filles voilées parlent / P. Tevanian. — Paris, 2008.
9. Delphy, C. Classer, dominer, Qui sont les "autres"? / C. Delphy. — Paris, 2008; Delphy, C. Un universalisme si particulier. Féminisme et exception française, 1980–2010 / C. Delphy // Nouvelles Questions féministes, 2010.
10. Guénif Souilamas, N., Macé, E. Les féministes et le garçon arabe, La Tour-d'Aigues, Éd. de l'Aube, 2004.
11. Roy, O. Intifada des banlieues ou émeutes des jeunes déclassés? / O. Roy // Esprit. — 2005. — № 12, décembre.

12. *Tissot, S.* Bilan d'un féminisme d'État / S. Tissot // *Plein-droit*, déc. – 2007. – № 75.

13. *Butler, J.* Sexual politics, torture, and secular time / J. Butler // *The British J. of Sociology*. – 2008. – Vol. 59.

14. *Handbook on women and aging* / Ed. J. Coyle. – Westport, 1997; *Woodward, K.* Figuring Age. Women, Bodies, Generations / K. Woodward. – Bloomington, 1999; *Arber, S.* Gender and Ageing. Changing Roles and Relationships / S. Arber, K. Davidson, J. Ginn. – Maidenhead ; Philadelphia, 2003.

15. *Keilhauer, A.* Neutralisé e ou inquiet tante : représentations de la femme vieillissante dans la littérature française / A. Keilhauer // *Gérontologie et société*. – 2005/3. – Vol. 114.

16. *Lowy, I.* L'âge limite de la maternité : corps, biomédecine, et politique / I. Lowy // *Mouvements*. – 2009. – № 59.

17. *Gestin, A.* La "Supermamie": émergence et ambivalences d'une nouvelle figure grand maternelle / A. Gestin // *Dialogue*, n°158, 4e trimestre 2002.

18. *Bajos, N.* Enquête sur la sexualité en France. Pratiques, genre et santé / N. Bajos, M. Bozon. – Paris, 2008.

19. *Salomon, C.* Jungle fever: Genre, âge, race et classe dans une discothèque parisienne / C. Salomon // *Genèses* 69, déc. 2007.

20. *Philippe, C.* Liberté, égalité, mixité conjugales. Une sociologie du couple mixte / C. Philippe, G. Neyrand. – Paris, 1998.

Дата поступления в редакцию: 24.11.2010 г.